

Уже стемнело, и на улицах было полно народу. В сердце Чи Мэя зародилось недоброе предчувствие: даже если на его голове красовались бы пышные заросли чужих измен, ему всё равно нужно было докопаться до истины, чтобы найти лекарство от этой хвори. Его ладони становились всё горячее, и если он не ошибался, это означало, что уже сегодняшней ночью ему придётся отсюда уйти.

Прежде за тысячи лет здесь заблудилось немало гостей Мира Ляочжая. Обитающие тут демоны и злые духи искусно прельщали их самыми разными соблазнами, желая, чтобы те потонули в мире роскоши и разврата и в конце концов остались здесь навсегда.

А разум их тел в реальном мире в это время стремительно увядал, плоть чахла, и спасти их уже не было никакой возможности.

— О чём ты говоришь? — в ответ спросил Тао Шаньцзэ. Ему многое хотелось сказать, но в собственных глазах он казался себе в этой иллюзии существом демонической природы, которое вот-вот поднимет убийственный кинжал и вонзит его кому-то в горло. Ему не хотелось, чтобы Чи Мэй видел его таким.

— С того момента, как ты зачерпнул ему воды, ты стоял на месте как вкопанный. Как бы я ни тряс тебя, ты не реагировал, а тот Слепец Чжан сбоку вовсю сдувал с травинки жуков и отмахивался от мух, совершенно обезумев. После этого я увидел, как с тебя градом катится холодный пот, а лицо исказилось от боли. Что ты вообще увидел? — спросил Чи Мэй.

Заметив, что Тао Шаньцзэ молча продолжает идти всё быстрее, Чи Мэй встревожился и резко бросил:

— Тао Шаньцзэ, если ты мне не расскажешь, то, вполне возможно, останешься здесь навсегда.

Стремительный шаг Тао Шаньцзэ оборвался.

— Что это значит?

Глядя на заходящее солнце, Чи Мэй почувствовал ещё большую тревогу:

— Это значит, что ты не принадлежишь этому месту. Но вспомнить об этом ты не можешь, а я больше ничего не могу сказать.

Он хотел было произнести, что всё это не по-настоящему, но стоило ему подумать о самом этом слове, как Печать Закона Красного Лотоса раскалялась до жгучей боли, едва не плавя его изнутри, поэтому ему пришлось выразиться иначе.

Он схватил Тао Шаньцзэ за руку.

— Посмотри на меня, Тао Шаньцзэ. Отбрось посторонние мысли и скажи, что ты увидел в иллюзии?

В глазах Чи Мэя Тао Шаньцзэ неожиданно разглядел рябь синеватой воды, напоминавшую ту, что была у Молодого господина Ли. Внутри него поднялось знакомое импульсивное чувство, однако он всё ещё не мог понять, откуда берутся эти эмоции.

— Я увидел, как зашевелилась статуя Будды. Не знаю, что она сказала Слепцу Чжану, но тот весь в крови направился ко мне, а я... — он замолк, подбирая другие слова. — ...хотел причинить ему вред.

Заметив серьёзное выражение на лице Чи Мэя и понимая, что тот ему поверил, Тао Шаньцзэ продолжил:

— Впрочем, всё это лишь морок, созданный демонами. Разве Слепец Чжан сейчас не в полном порядке? Чего они только хотят...

Он умолчал о том, как Молодой господин Ли появился перед ним, заслоня собой от падающего клинка, и в упор уставился на Чи Мэя, не моргая.

Чи Мэй кивнул, пытаясь сложить воедино всю картину происходящего. На самом деле слова Чи Мэя лишь отчасти соответствовали действительности: он намеренно исказил некоторые детали. Он утверждал, будто Тао Шаньцзэ погрузился в иллюзию после того, как зачерпнул воды, хотя на самом деле это началось в тот момент, когда Тао Шаньцзэ потребовал от Слепца Чжана ответа, верит ли тот в божества.

Потому что в тот момент безумие Слепца Чжана было настоящим.

Но стоило Слепцу Чжану услышать слово «божество», как его всего затрясло, словно он только что очнулся от долгого сна.

— Статуя Будды искушала Слепца Чжана, она наверняка принуждала его возненавидеть самого себя в прошлом, дабы его заслуги сравнялись с грехами, и тогда он не смог бы нормально переродиться, — помолчав немного, проговорил Чи Мэй. — Но у Слепца Чжана железная сила воли, он ничего не почувствовал, так что влияние оказалось не слишком сильным.

Вот только он никак не мог взять в толк: в прежних мирах существовали лишь их с Тао Шаньцзэ запутанные узы, откуда же теперь взялся Слепец Чжан, которому предстояло переродиться в наследного принца? Не был ли это какой-то знак от самого Мира Ляочжая?

Встретившись с ним взглядом, Чи Мэй внезапно вспомнил о Молодом господине Ли. Тао Шаньцзэ не упомянул о нём ни слова, но тот не мог появиться на пустом месте — судя по

поведению Тао Шаньцзэ, этот молодой господин теми или иными способами уже успел завоевать его расположение.

Однако его никчёмный муж-негодяй явно не желал выкладывать ему всю историю целиком. Глубоко вздохнув и подавив в себе непреодолимое желание стиснуть его в объятиях, Чи Мэй сурово произнёс:

— Тао Шаньцзэ, Слепец Чжан смог противостоять искушению, исходившему от статуи. Обещай мне, что с чем бы ты ни столкнулся, ты поступишь так же — сохранишь верность своим изначальным помыслам и не позволишь другим сбить тебя с толку, договорились?

Под конец его голос упал, а в тоне прозвучала горькая мольба:

— Обязательно пообещай мне. Кроме меня, есть кое-кто ещё, кто ждёт тебя.

Если ты не вернешься в реальность, твоему коту станет нечего есть, свирепо подумал про себя Чи Мэй.

— Ей? — Тао Шаньцзэ фыркнул. — Перестань приплетать Байхэ по любому поводу. И вообще, не думай о своём муже столь скверно, я способен сам за себя постоять. Даже перед лицом гор золота и серебра я и глазом не моргну.

Тао Шаньцзэ мысленно усмехнулся: не стоило вообще затевать с Чи Мэем этот разговор. Этот ходячий кувшин с уксусом до сих пор источал ревнивые пары.

Не отпуская его руки и чувствуя нарастающую панику в груди, Чи Мэй повторил с нажимом:

— Обязательно пообещай мне.

— Понял я, понял, — Тао Шаньцзэ обнаружил, что его муж невероятный болтун.

Ночь окутала улицы, и Улица Чанъань засияла бесчисленными огнями. Они висели в воздухе, заливая весь рынок тусклым желтением и окутывая мистической дымкой, а сливающееся воедино зарево походило на бушующее море пламени.

Вернувшись в свою комнату, Тао Шаньцзэ затворил дверь, проигнорировав настойчивые предложения Чи Мэя разделить с ним ужин.

Наконец он вытащил из рукава зажатую там записку. Она ещё хранила тепло его тела, и от неё, казалось, всё ещё исходил тот самый тонкий аромат, принадлежавший Молодому господину Ли. Трепетно развернув бумагу, он почувствовал, как его сердце забилось о рёбра.

Там было написано: «Сегодня в полночь жду у Моста Ань».

Он был уверен, что мужчина, с лёгкостью раскидавший всех в трактире Прекрасных Ден Инь, и Молодой господин Ли — это одно и то же лицо. Более того, при одном взгляде на Молодого господина Ли в нём поднималась глубокая, щемящая привязанность. Ему страстно хотелось узнать, кто же он такой на самом деле, и почему при встрече с ним в душе рождалось такое смутное, не поддающееся описанию чувство.

Тук-тук. За дверью раздался голос Чи Мэя:

— Муж, я войду?

— Мм.

Тао Шаньцзэ спрятал записку и чинно уселся на постели.

— Муж, почему у тебя такое красное лицо? — Чи Мэй решил, что дело в не проветренной комнате, и, поставив поднос с едой на стол, распахнул окно. — Я попросил на кухне приготовить миску пресного супа с лапшой, попробуй, вкусная ли? Конечно, вряд ли она сравнится с тем, что готовишь ты.

Поначалу Чи Мэй хотел и вовсе не обращать внимания на Тао Шаньцзэ, но, вспомнив, что тот нёс в себе не только собственную личность, но и Сан Цзымина — непутёвого протагониста из Мира Ляочжая, — ему пришлось терпеть и баловать его.

Тао Шаньцзэ опешил:

— Когда это я успевал тебе готовить?

Чи Мэй лишился дара речи. В квартире из реального мира готовил исключительно Тао Шаньцзэ, и теперь фраза сорвалась с губ сама собой. Однако Печать Закона даже не нагрелась, и Чи Мэй, сообразив на ходу, продолжил:

— Ты готовил мне раньше, просто ты забыл. Но ничего, это не мешает мне любить тебя.

В памяти Тао Шаньцзэ не нашлось ни единого воспоминания о том, как он готовил для своего мужа-мужчины. И всё же, видя, с какой уверенностью тот говорил об этом — так, будто всё происходило наяву, — он засомневался. Ему вдруг показалось, будто он и вправду стоял перед плитой, а в кастрюле варилась ароматная еда.

— Я понял. Выходи давай, проверь, не нужно ли чего Байхэ, а я лягу спать, делать больше нечего, — Тао Шаньцзэ велел ему убираться.

Однако Чи Мэй не стал послушно подчиняться, как делал это раньше. Окинув взглядом нетронутую лапшу и убедившись, что дверь заперта накрепко, он единым движением повалил Тао Шаньцзэ на кровать. Ему нестерпимо хотелось впиться зубами в его шею, но он с трудом сдержал этот порыв и, скрежеща зубами, проговорил:

— Пообещай мне, что бы ни случилось, ты будешь верить собственному сердцу.

— Понял я! — отвернувшись и чувствуя, как тело объявляет невыносимый жар, бросил Тао Шаньцзэ. — Убирайся!

Лишь после этого Чи Мэй отступил от него. Но напоследок, пользуясь тем, что тот потерял бдительность, он легко прикусил его за основание большого пальца:

— Запомни это.

— Прочь! — ответом ему стало лишь учатившееся дыхание Тао Шаньцзэ. Сегодня Чи Мэй вёл себя крайне странно, но и у него самого на душе скребли кошки, так что он был ничуть не лучше.

Считая мгновения по доносящемуся с улицы стрекотанию цикад и чувствуя, что час пробил, Тао Шаньцзэ на цыпочках набросил верхнюю одежду. Спавший рядом Чи Мэй дышал ровно и глубоко. Тихонько окликнув его по имени и убедившись, что тот не реагирует, Тао Шаньцзэ наконец отворил дверь и выскользнул наружу.

Праздничные огни не гасли, делая Улицу Чанъань ещё более оживлённой. Комендантский час сегодня не объявляли, на улице толпился народ — яблоку негде было упасть. Следуя своим воспоминаниям, он направился к Мосту Ань.

Мост Ань был каменным арочным сооружением, перекинутым через реку. Рядом с ним возвышалась стела с крупным высеченным иероглифом Ань. Каменные швы поросли мхом, а вокруг толпились люди, державшие в руках фонари и замороженно глядевшие на скользящие по воде лодке.

Это было слишком прекрасное, роскошное лицо Чанъани. Если бы Тао Шаньцзэ сдал императорские экзамены, у него тоже нашлось бы своё место в столице, и он смог бы в любой момент наслаждаться здешними пейзажами.

Сквозь пеструю толпу Тао Шаньцзэ сразу заметил изящный, озарённый светом силуэт. Если смотреть в профиль, этот человек действительно поразительно напоминал Чи Мэй: та же нефритовая кожа, ясные, подобные звёздам глаза и стройная, прямая фигура.

Медленно ступая, он поднялся по каменным ступеням. Силуэт становился всё отчётливее, и тут Молодой господин Ли обернулся. Они замерли друг напротив друга, разделенные потоком

идуших мимо людей. Вокруг царил полумрачная суeta, их отделяли всего какие-то шаги, но сделать их было боязно.

Тихо произнёс Тао Шаньцзэ:

— Тот человек, которого я видел в трактире Прекрасных Ден Инь, — это был ты?

Не колеблясь ни секунды, мужчина кивнул:

— Это был я, Тао Шаньцзэ. Я очень скучал по тебе.

Тао Шаньцзэ не ожидал, что тот согласится так сразу. В трактир Прекрасных Ден Инь могли войти лишь демоны и духи, что негласно подтверждало его сущность, однако Тао Шаньцзэ не испытывал ни малейшего страха — напротив, от слов я очень скучал по тебе у него щемило сердце.

— Байхэ рассказывала мне, что некий мужчина спас её. Я догадался, что это был ты. Я ждал тебя очень долго. Останься здесь, останься в столице, я буду заботиться о тебе, — вдохнув полной грудью, мягко улыбнулся Молодой господин Ли и произнёс ласковым голосом.

— Ты знаешь меня? — в груди Тао Шаньцзэ отчаянно забилось сердце. Он внезапно вспомнил слова Чи Мэй о том, что нужно следовать велениям истинного сердца при любых обстоятельствах. Глядя на Молодого господина Ли, он чувствовал, что тот походит на бездонную пропасть, и его неудержимо тянет сорваться вниз без надежды на спасение.

— И не только знаю. Разве ты не любопытствовал, Тао Шаньцзэ, почему в трактире Прекрасных Ден Инь ты остался цел и невредим? Да потому, что ты вовсе не простой смертный! Мы были вместе в прошлой жизни, и в позапрошлом воплощении тоже, поэтому и в этой жизни я не выпущу твоих рук. Ты ведь чувствуешь то же самое, когда смотришь на меня, верно? — продолжал мужчина.

В этот момент они как раз стояли посреди моста. Множество фонарей окутывало всё вокруг тусклой пеленой.

— Не ходи с Чи Мэем, он — лисий демон, который только и хочет, что навредить тебе. Наш союз предопределён небесами.

Брови Тао Шаньцзэ взметнулись вверх: он понял слово уходить по-своему и уже собирался ответить, как за спиной послышались торопливые шаги, и запыхавшийся Чи Мэй выбежал прямо к нему:

— Тао Шаньцзэ, не верь ему!

Сознание Тао Шаньцзэ качнулось. Стоя между ними, он переводил взгляд с Чи Мэя на Молодого господина Ли и с изумлением обнаружил, что они выглядят совершенно одинаково!

Благодарю за чтение!

Защитный барьер

До этого Тао Шаньцзэ никогда не находил между их лицами никакого сходства. Молодой господин Ли казался ему бесконечно мягким, тогда как Чи Мэй был привычным мужем, делящим с ним ложе. Но стоило ему заглянуть в подобные водной глади глаза Молодого господина Ли, как перед ним развернулся огромный залив, и, что странно, ему захотелось навеки утонуть в этой синеве.

Поэтому даже тогда, когда он решился прийти к Мосту Ань на встречу с Молодым господином Ли, он не ожидал, что сцена, развернувшаяся перед ним, в мгновение ока сокрушит все его чувства.

Слева от Тао Шаньцзэ стоял Молодой господин Ли, а справа — Чи Мэй.

Оба они вели себя крайне странно: никто из них не сделал шага вперёд, чтобы притянуть его к себе.

Тао Шаньцзэ даже не представлял, кому из них верить.

Оба твердили, чтобы он шёл к ним, словно стоило ему замешкаться — и эта возможность исчезнет навсегда.

Двое мужчин обладали одинаковыми лицами и фигурами, разница была лишь в одежде: один облачился в белое, а Чи Мэй носил чёрное.

Тяжело дыша, Тао Шаньцзэ старался унять терзавший его душу страх и оценивал обстановку вокруг. В глазах Молодого господина Ли плескалось густое, плотное вожеление. По неизвестной причине Тао Шаньцзэ непоколебимо верил каждому слову, что тот говорил ему: этот человек по фамилии Ли действительно безумно тосковал по нему, и в прошлых жизнях их связывали глубочайшие узы.

В то же время одетый в чёрное Чи Мэй с тревожным выражением лица вглядывался в него и поспешно бросал:

— Тао Шаньцзэ, иди сюда, не подходи к нему, он — не я.

Эта фраза лишь позабавила Молодого господина Ли.

— Разумеется, я не он. Ты — всего лишь жалкий демон, но со мной всё иначе. Я — божество этого мира, всё здесь находится в моей власти, и всё, чего я пожелаю, непременно станет моим.

Он снова перевёл взгляд на Тао Шаньцзэ. Вся прежняя заносчивость из его голоса испарилась:

— Тао Шаньцзэ, иди ко мне, ступай сюда, и с этих пор мы будем вместе во веки веков.

Два одинаковых лица, но абсолютно разные натуры. Тао Шаньцзэ чувствовал себя так, будто его разрывают надвое: он смотрел то на Чи Мэя, то на Молодого господина Ли — словно отражался в паре зеркал.

В голове вновь заняло. Ему казалось, будто нечто подобное он уже переживал прежде: где-то на возвышении он уже видел это лицо Чи Мэя, только сам он в те дни был высочайшим монахом.

В небе вдалеке закружились, взмывая вверх, бумажные фонарики. Словно многослойные облака, они поднимались всё выше, пока не превращались в крошечные жёлтые точки, сопровождаемые возгласами изумления толпы. Небосвод начал искажаться, вопли людей внезапно смолкли, и всё вокруг замерло.

Словно кто-то нажал клавишу паузы.

Стоило Тао Шаньцзэ сделать хотя бы шаг вперёд, как мост под ним рушился на дюйм, а тот, от кого он отворачивался, отдалялся всё дальше. Переведя взгляд с Чи Мэя на Молодого господина Ли, Тао Шаньцзэ обратился к последнему:

— Чи Мэй — мой законный муж. Если ты божество, почему не позволил нам сразу соединиться в этой жизни? И почему он точь-в-точь похож на тебя?

— Демоны вечно пользуются низкими уловками, чтобы морочить людям головы. Он просто скопировал моё лицо. Когда его магическая сила иссякнет, он неизбежно примет свой истинный облик чудовища. Тао Шаньцзэ, поверь мне.

А стоявший поодаль Чи Мэй, глядя на точную копию самого себя, испытывал чувство, ещё более близкое и знакомое, чем Тао Шаньцзэ. Он чувствовал, что появление этого двойника не было случайностью — будь то история о человеке, которого Тао Шаньцзэ якобы встретил в самом первом мире, или нынешнее событие.

Он знал, что у бодхисаттвы миллиарды воплощений, но разве такое бывало у демонов?

Сам он выглядел точно так же на протяжении тысячелетий, однако, глядя на противника, он понимал, что тот вовсе не сотворен с помощью иллюзии: его душа и плоть слились воедино,

образовав неразрывное целое.

Ему хотелось броситься вперед и прижать Тао Шаньцзэ к груди, но на этом Мосту Ань словно лежало какое-то табу: вокруг Тао Шаньцзэ образовалась особая зона, и вся инициатива принадлежала исключительно ему, а Чи Мэй был не в силах вмешаться.

Судя по нынешнему поведению Молодого господина Ли, тот находился в точно таком же положении и мог лишь молча ждать, пока Тао Шаньцзэ шагнёт ему навстречу.

Молодой господин Ли продолжал уговаривать:

— Тао Шаньцзэ, мы и так упустили слишком много времени, не заставляй меня ждать дольше. Пообещай мне, иди сюда.

Знакомое заклинание пообещай мне, слетавшее с уст Чи Мэя, было наполнено беспредельной тревогой, тогда как в устах Молодого господина Ли оно звучало мягко, нежно и робко.

И Тао Шаньцзэ действительно сделал шаг по направлению к нему.

— Как твоё имя?

— Имя? — Молодой господин Ли на мгновение замешкался и уже собирался назвать какое-то имя, как в ту же секунду Тао Шаньцзэ стремительно отпрянул назад и вновь оказался в самом центре моста.

Всё вокруг замерло. Вода в реке застыла изогнутой линией, прохожие застыли с широко раскрытыми глазами, сохраняя прежние позы, парящие фонарики замерли в воздухе, и даже ветер стих.

— Его зовут Чи Мэй, мы поняли это при первой же встрече. А вот ты до сих пор так и не назвал мне своего имени, — медленно покачав головой, Тао Шаньцзэ окинул его оценивающим взглядом. — Ты зазывал меня остаться с тобой в столице, уверял, что мы связаны узами прошлых жизней. Но в этой жизни я тебя не знаю и твоего имени не ведаю. Пусть Чи Мэй и демон, но я привык к нему, между нами была близость, и быть с ним мне гораздо привычнее, чем с тобой.

Вспомнив, как истово Чи Мэй твердил ему следовать велению собственного сердца и не поддаваться наваждениям, Тао Шаньцзэ стал медленно отступать назад, шаг за шагом сокращая расстояние между ними, и произнёс глухим голосом:

— Ты спас меня в иллюзии, и я премного благодарен. Но прошлое должно оставаться в прошлом — живи настоящим и больше не возвращайся.

— Нет! — неожиданно взревел Молодой господин Ли.

В тот самый миг, когда пальцы Тао Шаньцзэ почти коснулись руки Чи Мэя, мост затрясло от подземных толчков. Всё вокруг в одно мгновение вернулось к жизни: люди с криками бросились прочь, а речные воды взметнулись бурунами, поднимая чёрные волны, застывшие прямо в воздухе.

— Тао Шаньцзэ, не бросай меня! — завопил Молодой господин Ли. Ладони его побелели от напряжения, а в глазах стояло безумное, исступленное обожание. Вместе с его движением гигантская сила потянула Тао Шаньцзэ к нему.

Вокруг него образовался чёрный водоворот, источавший леденящий холод. Стоя в самом центре этой воронки, он оставался неподвижен, а голос его дрожал:

— Иди сюда, умоляю.

Чи Мэй оказался совершенно беспомощен перед лицом случившемся: вся его магическая сила сейчас была бесполезна, лишь Печать Закона Красного Лотоса жгла кожу адским пламенем. Он знал: если Тао Шаньцзэ окажется в руках этого Ли, он навсегда заблудится в чужом мире.

И с этой минуты он больше никогда не увидит Тао Шаньцзэ.

Чи Мэй безуспешно наносил удары в пустоту. Он чётко видел каждую волосинку на голове Тао Шаньцзэ, но не мог дотронуться даже до края его одежды — казалось, их разделяет пропасть в два разных мира, хотя между ними была всего лишь мостовая.

— Тао Шаньцзэ!

В следующий же миг за спиной Чи Мэя возник чей-то силуэт. Присмотревшись, Чи Мэй с изумлением узнал в нём слугу.

Страннее всего было то, что с самого момента входа в трактир Прекрасных Ден Инь все воспоминания о слуге словно стерлись из памяти их обоих, они даже не упоминали о нём, и лишь теперь, увидев его воочию, Чи Мэй понял, что что-то не так.

Когда он только попал в этот мир, он долгое время уделял слуге слишком много внимания, подозревая, что с ним связано куда больше проблем, чем кажется на первый взгляд.

Теперь же, глядя на его лёгкую поступь и твёрдый взгляд, он в одно мгновение всё понял.

Не испытывая на себе никаких ограничений, слуга шёл вперёд прямой поступью, и силуэт его до боли напоминал кое-кого знакомого.

Что до нежного характера нашего главного героя, то это была моя интуиция при составлении самого первого наброска сюжета — то, как я чувствовал эту историю в целом. На восприятие книги это никак не повлияет!

Сами недуги героев я ещё подкорректирую, спасибо за подсказки!

Всемирно Почитаемый

А рука Тао Шаньцзэ уже лежала в руке Молодого господина Ли. Их пальцы переплелись, и Тао Шаньцзэ почувствовал, как из глубин его души поднимается мощная, сокрушительная волна трепета — они действительно словно были знакомы целую вечность. Однако эта сила, исходившая от Молодого господина Ли, несла в себе смутную, принудительную тягу: он не мог высвободить руку. На глазах у изумленного Тао Шаньцзэ из мест их соприкосновения брызнули бесчисленные сосуды, которые змеями оплели его пальцы, устремляясь выше — к кисти и запястью.

Лицо Молодого господина Ли, ничем не отличавшееся от лица Чи Мэя, было вплотную приближено к нему. Тот тяжело дышал, и в этом дыхании сквозило хищное, звериное вожеление, а налитые кровью глаза были сплошь покрыты сеткой багровых сосудов.

— Тао Шаньцзэ, наконец-то мы вместе.

Он безумно хохотал, и кровавые слёзы катились из его покрасневших глаз, но тут же испарялись в воздухе. В следующий миг вокруг них вырос гигантский огненный шар — кармическое пламя окружило их непроницаемым кольцом. Тяжело дыша внутри этого пекла, Тао Шаньцзэ чувствовал, что его тело оковано параличом, и единственным, что он ещё мог пошевелить, оставались глазные яблоки.

<http://bllate.org/book/22407/2352268>